
**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

УДК 343

*А.Г. Безверхов****НАСИЛИЕ И ЕГО ВИДЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ:
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье исследуется категориальный аппарат современного уголовного права России, используемый в законотворческой и правоприменительной практике противодействия насильственным преступлениям. Особое внимание уделено юридико-догматическому анализу видов насилия, соотношению понятий физического насилия и угрозы его применения, законодательной классификации насильственных преступлений и отдельным вопросам их квалификации.

Ключевые слова: физическое насилие; психическое насилие; угроза; насильственное преступление.

1. В самом общем виде насилие представляет собой воздействие одного человека на другого. Такому воздействию могут подвергаться организм (тело) человека, его сознание (психика), воля (поведение). В этом смысле насилие состоит в физическом и (или) психическом воздействии, которое может лишать или ограничивать волеизъявление потерпевшего.

Равным образом в правовой доктрине под насилием понимается как физическое, так и психическое воздействие на другого человека, нарушающее его право на телесную неприкосновенность, здоровье или жизнь. Другими словами, в юридико-догматическом смысле насилие есть неправомерное применение физической силы или реальной угрозы ее немедленного применения независимо от наступления (ненаступления) вредоносных последствий и их характера.

2. В уголовном праве России понятие «насилие» трактуется только как «*физическое*» насилие. Такое понимание насилия вытекает из буквального толкования действующего УК РФ, в котором понятие «психическое насилие» вообще отсутствует, а используется категория «угроза применения насилия».

При прочих равных условиях насилие считается *более опасным*, нежели угроза его применения. Так, уголовно наказуемыми по действующему закону признаются исключительно угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК).

* © Безверхов А.Г., 2014

Безверхов Артур Геннадьевич (bezverkhov-artur@yandex.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Иные угрозы применения насилия в отношении личности (не будучи способом совершения другого самостоятельного преступления) не влекут уголовной ответственности. Поэтому попытки трактовки категории «применение насилия» в статьях Особенной части УК не только как физического, но и как психического воздействия на другого человека необоснованно расширяют основания уголовной ответственности, ведут к неоправданному усилению репрессий, игнорируют конституционные положения, согласно которым неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Преступления, совершаемые с применением насилия или угрозы его применения, характеризуются исключительно *умышленной* формой вины.

В современном уголовном праве и законодательстве насилие и угроза его применения признаются самостоятельными преступлениями против жизни и здоровья, правосудия и порядка управления (ст. 116, 117, 119, 296, 318, 321 УК) либо способами совершения весьма широкого круга преступных посягательств, выступая в качестве конструктивных признаков их объективной стороны, а также в роли квалифицирующих и особо квалифицирующих обстоятельств. Тем самым насилие и угроза его применения служат критериями отграничения преступного деяния от уголовно ненаказуемого поведения и от смежного уголовно-противоправного посягательства, а также выступают основанием дифференциации уголовной ответственности, будучи использованными законодателями в роли квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков составов отдельных умышленных преступлений.

Так, угроза применения насилия может являться самостоятельным преступлением, например, против порядка управления, если эта угроза обращена к представителю власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей или его близким (ч. 1 ст. 318 УК), либо к осужденному с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 1 ст. 321 УК), либо к сотруднику места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности либо его близким (ч. 2 ст. 321 УК).

Будучи способом преступления, насилие может быть адресовано как жертве, характеризующей основной объект посягательства, так и другим лицам (например, ст. 131, 132, 163 УК). Исходя из буквального толкования закона, применение насилия или угрозы применения насилия к «другим лицам» охватывается соответствующими статьями УК и не требует дополнительной квалификации этих действий по иным статьям УК, устанавливающим ответственность за преступления против здоровья, чести и достоинства личности. Иной подход противоречит воззрению о том, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление», нарушая начало *non bis in idem*.

3. Содержание насильственного воздействия заключается в противоправном применении *силы*. При этом понятие силы в контексте совершенного насильственного преступления требует буквального понимания в смысле векторной физической величины. Ведь сила – это фундаментальная категория физики, являющаяся мерой интенсивности воздействия на данное тело других тел, а также полей. Приложенная к массивному телу сила является причиной возникновения в нем деформаций и напряжений.

Соответственно, применение насилия может выражаться в использовании мускульной силы человека, силы ядовитых, сильнодействующих или иных средств и веществ, силы тока, силы звука, силы света, силы животного, других природных сил, сил механизмов либо машин¹.

Отсюда, в уголовно-правовом смысле насилие — это умышленное противоправное применение физической силы. С точки зрения уголовного закона насилие есть преднамеренное незаконное воздействие на физическую неприкосновенность другого человека, сопряженное с причинением ему физической боли, мучений, страданий, вреда здоровью или даже смерти. При этом, как видно, насилие может состоять (1) в совершении одних лишь действий, которые не повлекли за собой общественно опасных последствий в виде причинения физического вреда, либо (2) в совершении действий, умышленно причинивших вред здоровью или смерть другому человеку.

4. Насилие в уголовном праве — это, по общему правилу, активная форма поведения. Насилие выражается в совершении различных действий: нанесении ударов, побоев, ранений, толкании, заламывании или выкручивании рук, сдавливании частей тела, защемлении кожи, вырывании волос, душении жертвы, истязании, пытке, связывании или надевании наручников как способе временного лишения свободы передвижения, насильственном запираении в помещении, насильственном похищении человека, лишении жизни и др.

Однако, на мой взгляд, не исключено уголовно-правовое понимание насилия и в виде противоправного бездействия. Например, в виде непредоставления человеку пищи и (или) воды, оставления потерпевшего в холодном помещении, ином противоправном бездействии, причиняющем другому лицу физические страдания и мучения.

В уголовном праве насилие, будучи разновидностью физического воздействия может выполнять функцию и психического воздействия. Например, применение пыток к одному человеку в присутствии другого потерпевшего с целью устрашения последнего и склонение его тем самым к желаемому для виновного поведению. В этом случае может иметь место с учетом конкретных обстоятельств дела идеальная совокупность преступлений (к примеру, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью одной жертве и угроза причинения вреда здоровью в отношении другого человека, описанная в ст. 119, 296 или 318 УК) либо одно сложное преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, п. «в» ч. 2 ст. 163 и др.

5. Как уже говорилось ранее, наряду с категорией насилия как неправомерного применения физической силы, в уголовном законе активно используется понятие «угрозы применения насилия».

В отличие от насилия (в уголовно-правовом смысле) *угроза применения насилия* есть один из видов *психического* воздействия как на сознание, так и на волю другого человека. Угроза — всегда активная форма поведения. Она выражается в запугивании, устрашении другого человека. Угроза — это целенаправленное действие. Она направлена на конкретный объект — неприкосновенность личности с целью произвести в нем вредные изменения, вызвать у жертвы состояние опасения, страха, чувство тревоги, беспокойства за свою безопасность.

Угроза применения насилия — это не простое озвучивание преступных намерений. В сущности своей человек опасается не самой высказанной или иным способом выраженной во вне угрозы, а возможности ее исполнения. Чем такая возможность будет вероятнее (реальнее), тем большим будет опасение. Именно на такое восприятие угрозы потерпевшим и рассчитывает виновный. Поэтому негативные изменения (последствия угрозы), которые, хотя и находятся за рамками понятия этого психического воздействия и даже в материальном и уголовно-процессуальном аспектах не требуют своего установления и закрепления, в действительности часто наступают. Они могут выражаться в ухудшении психического или физического самочувствия потерпевшего, нарушении его здоровья и пр.

Исходя из вышеизложенного, под *угрозой применения насилия* следует понимать запугивание потерпевшего нарушением его физической неприкосновенности, причи-

нением вреда его здоровью или жизни. Ее виды – это угроза убийством, угроза причинением тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, угроза применения пыток, истязаний, побоев и др.

Угроза применения насилия может выражаться в устной, письменной форме либо путем конклюдентных действий. Она может состоять либо в высказывании, в котором выражалось намерение немедленного применения физического насилия, либо в совершении каких-либо устрашающих телодвижений, запугивающих действий (демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия), либо, наконец, может характеризоваться сочетанием соответствующих высказываний, сопровождающихся угрожающими жестами.

Угроза может быть передана лично или через посредников (третьих лиц), по телефону или иным образом. Угроза может следовать из обстановки.

Наконец, могут иметь место явные и скрытые по форме, завуалированные угрозы. Существует мнение, что из УК следует ненаказуемость скрытой угрозы, допускающей различные ее толкования, в том числе и некриминального характера. С такой постановкой вопроса согласиться никак нельзя. Форма угрозы может быть любой и не оказывает влияние на уголовно-правовую оценку содеянного. Другое дело, что скрытые угрозы физической расправы или иного причинения физического вреда потерпевшему, членам его семьи или другим лицам затрудняют установление и процессуальное закрепление соответствующего обстоятельства, на что и рассчитывает виновный, высказывая угрозы в завуалированной форме с целью избежания уголовной ответственности.

6. Угрозе применения насилия свойственны следующие обязательные признаки. Так, она должна иметь *реальный* характер. Реальность угрозы означает, что имеются основания опасаться приведения ее в исполнение. Достаточными следует признавать такие основания, которые свидетельствуют о реальной возможности осуществления угрозы, когда и угрожающий, и потерпевший придают ей серьезное значение. Высказано мнение, что реальность угрозы связывается, прежде всего, с наличием объективных оснований опасаться приведения ее в исполнение; субъективное же восприятие угрозы потерпевшим играет подчиненную роль. Более резонным представляется следующее положение: переносить реальность угрозы целиком в плоскость объективного основания опасности реализации угрозы или, напротив, субъективного восприятия угрозы потерпевшим едва ли правомерно. При установлении реальности угрозы необходимо учитывать в равной степени все обстоятельства дела (и восприятие угрозы потерпевшим, и реальную возможность осуществления угрозы виновным, и пр.; но, прежде всего, принимая во внимание принцип субъективного вменения, необходимо исходить из реального намерения виновного исполнить угрозу)².

Уточняя содержание указанного признака угрозы, следует заметить, что угроза должна быть *наличной*, то есть каким-либо образом выраженной во вне. Она должна быть доведена до сведения лица, которому она адресована, самим угрожающим или иными лицами. Действия (жесты) или высказывания виновного должны выражать серьезное намерение реализовать угрозу, которая в этом смысле должна иметь действительный, а не мнимый, «притворный» характер. Угроза должна свидетельствовать о реальной возможности причинения вреда. Угроза должна восприниматься потерпевшим в качестве осуществимой. Именно на такое восприятие угрозы потерпевшим должен рассчитывать и виновный.

Вопрос о *конкретности* угрозы в науке уголовного права относится к числу спорных. По мнению одних исследователей, конкретная форма угрозы характеризует такое свойство угрозы, как ее реальность. По мнению других – конкретность угрозы означает, что в ней содержится указание на определенное благо, которому угрожают

причинить вред (будь это жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность), и на конкретные действия, совершением которых лицо намеревается исполнить угрозу. В последнем случае под конкретностью понимается ясность того, каким образом виновный намерен исполнить угрозу.

Конкретность угрозы предполагает и ее *определенность*, но не всегда. Угроза может быть облеченной в *неопределенную* форму. Это имеет место, когда характер действия, совершением которого виновный угрожает жертве, предполагает возможность причинения одного из нескольких неблагоприятных последствий (например, угроза применения насилия, выражающаяся в словах «не сделаешь – хуже будет», «плохо будет», «сам увидишь, что будет», «мало не покажется» и т. п.)³.

В уголовно-правовом аспекте не имеет значения, намеревался ли виновный исполнить угрозу.

Угроза применения насилия может быть чревата опасностью только в настоящем или может быть обращена в будущее. В первом случае угроза представляет собой действия или высказывания, которые выражают намерение *немедленного* нарушения прав и интересов потерпевшего, его близких или других лиц, так сказать, применения физической силы безотлагательно, здесь и сейчас (в частности, ст. 131, 132, 161, 162 УК).

Во втором случае угроза заключается в запугивании предстоящими неблагоприятными последствиями, причинением вреда в будущем и принимает более «мягкую» форму противоправного понуждения (например, ст. 133, 163, 179 УК).

7. По мнению древнеримских юристов, всякое преступление совершается или путем обмана (*dolus*), или путем насилия (*iniuria*). Давно замечено, что ни одна классификация преступлений не может обойтись без указанных кримообразующих оснований [1, с. 3].

Насильственные преступления можно классифицировать, прежде всего, в зависимости от следующего основания – объекта преступного посягательства (родового, видового или непосредственного объектов). В данном случае речь идет о той области социальных отношений, охраняемой уголовным законом, где насилие или угроза его применения может проявляться и причинять существенный вред правам и охраняемым законом интересам граждан, общества, государства.

Указанное основание позволяет различать шесть групп насильственных преступлений по числу разделов Особенной части УК РФ: насильственные преступления против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, против военной службы, а также против мира и безопасности человечества.

Каждая из вышеназванных групп насильственных преступлений может, в свою очередь, подлежать дальнейшему делению по указанному основанию (второй и последующий уровни классификации этих преступлений). Например, согласно уголовному закону насильственные посягательства на личность подразделяются на пять разновидностей: насильственные преступления против жизни и здоровья другого человека, против свободы, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а равно против несовершеннолетних. Насильственные преступления в сфере экономики можно классифицировать на три группы: насильственные преступления против собственности, в сфере экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Очевидно, что ряд из вышеназванных классификационных групп может подлежать и дальнейшему делению (третья линия классификации).

С учетом вышеизложенного насильственные преступления допустимо определить как умышленные общественно опасные деяния (совершаемые, как правило, в форме

действий), предусмотренные в главах 16–25, 29–34 УК РФ и заключающиеся в нарушении телесной неприкосновенности другого человека, причинении ему физической боли, мучений, страданий, вреда здоровью или смерти, а равно в угрозе совершения указанных действий или угрозе причинения такого вреда.

8. Анализ положений УК РФ позволяет утверждать, что используемая в его тексте терминология в части описания видов и форм насильственных действий наполняется законодателем по общему правилу одинаковым смысловым содержанием независимо от месторасположения нормативных предписаний в Особенной части названного источника. Так, категория «применение насилия или угрозы его применения» имеет, как представляется, единообразное понимание в ст. 120, 139, 150, 151, 178, 179, 203, 226¹, 229¹, 240, 241, 330 УК и в части своего содержания, и в части объема. Здесь «применение насилия или угрозы его применения» — это умышленное нарушение телесной неприкосновенности другого человека, причинение ему физической боли, мучений, страданий или вреда здоровью либо даже смерти, а равно угроза совершения указанных действий, включая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Другое дело, что умышленное причинение или попытка причинения виновным в указанных случаях отдельных видов *общественно опасных последствий* (например, смерти или тяжкого вреда здоровью) может требовать дополнительной квалификации по соответствующим статьям главы 16 УК.

Между тем иногда посредством законодательной техники «применение насилия или угрозы его применения» получает ограничительное толкование. Один из таких способов, используемых законодателем, — это конкретизация в последующих частях соответствующих статей угрозы применения насилия, умышленного или неосторожного причинения в результате примененного насилия общественно опасных последствий (в частности, п. «а» ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127², п. «б» ч. 2 (п. «б» ч. 3, п. «а» ч. 4) ст. 131, 132, п. «в» ч. 3 ст. 163 УК).

9. В числе спорных для практики остается вопрос о разграничении опасного и неопасного для жизни или здоровья насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 и ст. 162; п. «в» ч. 2 ст. 166 и ч. 4 ст. 166; п. «г» ч. 3 ст. 226 и п. «б» ч. 4 ст. 226; ч. 3 ст. 296 и ч. 4 ст. 296; ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 318; ч. 1 ст. 321 и ч. 3 ст. 321 УК).

Пленум Верховного суда РФ в п. 21 своего постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 подробно разъясняет положения закона о неопасном и опасном для жизни или здоровья насилии применительно к вопросу о соотношении «насильственного» грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161) и разбоя (ст. 162).

При этом под насилием, не опасным для жизни или здоровья, Пленум понимает побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (абз. 1 п. 21). К этому определению, на мой взгляд, необходимо добавить следующее положение: «если это не создавало опасности для жизни или здоровья». Такое дополнение является своего рода «мостом» к такому важному для практики разъяснению Пленума уточняющего характера (абз. 7 п. 21): если в ходе хищения чужого имущества в отношении потерпевшего применяется насильственное ограничение свободы, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя должен решаться с учетом опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить (например, оставление связанного потерпевшего в холодном помещении, лишение его возможности обратиться за помощью).

Насилие, опасное для жизни или здоровья, — это такое насилие, как разъясняет Пленум, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспо-

собности (абз. 2 п. 21). В целях избежания встречающихся в правоприменительной практике ошибок Пленуму следовало бы указать здесь на *умышленную* форму вины причинителя вреда здоровью. Дело в том, что совершенное в целях хищения чужого имущества насилие, которое повлекло, к примеру, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего по неосторожности, подлежит квалификации по совокупности преступлений как «насильственный» грабеж и неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 118 УК). Такой же пробел допущен и в абз. 5 этого же пункта постановления, который следовало бы изложить так: «если в ходе разбойного нападения потерпевшему был *умышленно* причинен тяжкий вред здоровью, что повлекло за собой наступление его смерти по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений – по пункту «в» части третьей статьи 162 и части четвертой статьи 111 УК РФ». Между тем, давая разъяснение по другому вопросу, Пленум обоснованно указывает на форму вины: «применение насилия при разбойном нападении, в результате которого потерпевшему *умышленно* причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом разбоя и дополнительной квалификации по ст. 115 или 112 УК РФ не требует» (абз. 4 п. 21).

10. Еще одна проблема – вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением насилия или угрозы его применения (за исключением предусмотренных главой 16 УК). Здесь следует различать две ситуации.

Первая – это квалификация преступлений, сопряженных с применением насильственных действий, за которые в соответствующих статьях УК ответственность специально не предусмотрена. Например, контрабанда наличных денежных средств (ст. 200¹), совершенная с применением насилия. В указанной статье не содержится прямого указания на возможность совершения такого вида преступления с применением насилия или угрозой его применения, и подобная ситуация не вытекает из смысла закона. При таких обстоятельствах содеянное в целом недостаточно квалифицировать как единое посягательство, а следует оценивать как совокупность преступлений в сфере экономики и против личности.

Отсюда можно сформулировать следующее правило квалификации: если статьями УК (за исключением содержащихся в главе 16) не предусматривается ответственность за преступления, совершенные с применением насилия или угрозой его применения, то содеянное следует квалифицировать по этим статьям и по совокупности с соответствующими статьями главы 16 УК. Другими словами, если насилие не предусмотрено в статьях глав 17–25, 29–34 УК, то при наличии к тому оснований требуется квалификация по совокупности с преступлениями против жизни и здоровья.

Вторая ситуация – это квалификация описанных в главах 17–25, 29–34 УК преступлений, сопряженных с применением насильственных действий, за которые в законе ответственность предусмотрена специально. При этом применение насилия или угрозы его применения может быть прямо указано в тексте закона в качестве конструктивного, квалифицирующего или особо квалифицирующего признака таких преступлений (в частности, насильственный захват власти или насильственное удержание власти) либо вытекать из смысла соответствующих положений УК (к примеру, государственная измена в форме насильственного похищения сведений, составляющих государственную тайну). Как представляется, указанная ситуация не имеет единого решения. Последнее зависит от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве общих ориентиров можно указать на соотношение уровня опасности насильственных преступлений, ответственность за которые предусмотрена в статьях глав 17–25, 29–34 УК, и преступлений против жизни и здоровья (глава 16 УК), то есть на сравнение категорий преступлений (ст. 15), а также санкций, предусмотренных в уголовном законе за соотносимые преступные деяния.

В качестве еще одного примера рассмотрим случаи совершения насильственных посягательств, сопряженных с причинением общественно опасных последствий в виде физического вреда личности.

Если применение насилия или угрозы его применения является способом совершения более тяжкого преступления, ответственность за которое предусмотрена в главах 17–25, 29–34 УК, содеянное квалифицируется только как насильственное преступление в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, военной службы или мира и безопасности человечества без ссылки на статьи главы 16 УК. Другими словами, менее тяжкое насильственное посягательство, описанное в главе 16 УК, охватывается нормой о более тяжком насильственном преступлении, ответственность за которое предусмотрена в главах 17–25, 29–34 УК⁴.

Если же такое насильственное посягательство является способом совершения менее тяжкого преступления или той же тяжести (одинаковой категории), описанного в статьях глав 17–25, 29–34 УК, оно представляет собой совокупность преступлений, которая в данной ситуации с наибольшей полнотой охватывает содеянное⁵.

11. Для правильной квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности важным представляется уяснение техники построения главы 18 УК РФ. В этой связи прежде всего обратим внимание на используемую законодателем терминологию. Понятийный ряд главы 18 УК включает в себя такие категории, как «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство» (совсем недавно Федеральным законом от 28 декабря 2013 № 380-ФЗ было исключено понятие «половая зрелость»). Последние относятся к числу неюридических понятий точного значения, используемых в физической антропологии, физиологии, анатомии человека, сексологии, судебной медицине. Так, в сексологии под *половым сношением* (половым актом) понимается гетеросексуальное совокупление мужчины и женщины в естественной форме (процесс введения мужского полового члена во влагалище лица женского пола с последующим извержением семени), отличительная особенность которого по сравнению с другими действиями сексуального характера состоит в наличии возможности зачатия как части детородной функции.

Согласно судебной медицине *мужеложство* (мужской гомосексуализм) — одна из разновидностей анального секса, совершаемого путем введения полового члена одного мужчины в заднепроходное отверстие другого мужчины.

Лесбиянство (женский гомосексуализм) есть удовлетворение половой страсти двумя женщинами путем совершения друг с другом различных действий сексуального характера.

Иные действия сексуального характера — это разнообразные любострастные действия, возбуждающие и (или) реализующие удовлетворение половой страсти, исключая естественный половой акт, мужеложство и лесбиянство (например, анальный секс между мужчиной и женщиной, оральный секс между мужчиной и женщиной или между мужчинами, скотоложство).

Очевидно, что иные сексуальные действия разнообразны и по характеру, и по содержанию, и по форме. Перечень их видов (как и способов удовлетворения половых потребностей) является открытым. Это обстоятельство требует, на мой взгляд, *ограничительного* толкования указанной категории в ст. 131 и 132 УК. Каков должен быть предел логического объема этого понятия? Как представляется, соответствующая мера должна определяться эмпирическим путем и получить свое закрепление в готовящемся постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а в более далеком будущем, возможно, и в положениях соответствующей главы Особенной части УК.

При установлении пределов трактовки рассматриваемой категории важно не упустить из виду существование определенной взаимосвязи между нею и «половым сношением», «мужеложством», другими сходными (похожими, аналогичными) действиями сексуального характера. Указанные действия выражаются в физическом контакте непосредственно с потерпевшим в виде сексуального *проникновения* в полость тела и (или) тела жертвы, виновного, другого лица⁶ либо в виде одной из *имитаций* полового акта с использованием гениталий жертвы, виновного, другого лица (насильственные нарвасадата, викхарита, мастурбация и др.).

Но могут ли, к примеру, принуждение жертвы к *обнажению* тела (самого потерпевшего, виновного, другого лица) для удовлетворения половой страсти или в иных целях либо сексуальные *прикосновения* против воли потерпевшего (потерпевшей) рассматриваться как насильственное сексуальное преступление в смысле ст. 131 или ст. 132 УК? Аналогичный вопрос возникает и по поводу совершения таких сексуальных действий (не сопряженных с сексуальным проникновением, его имитациями либо прикосновениями), как «*демонстрация*» сексуального поведения, к примеру, совершение сексуальных действий в принудительном присутствии потерпевшего.

Применяемые в уголовном законе категории, такие как «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», должны наполняться, прежде всего, свойственным им неюридическим («физиологическим») содержанием, конечно же, вкпе с юридическими уточнениями. В результате их интерпретации в медико-биологическом и правовом аспектах частично не совпадают. К примеру, «половое сношение» с юридической точки зрения может быть полным или неполным, прерванным или физиологически завершенным, с реальной возможностью зачатия или без такового⁷. Если половой акт совершен по принуждению со стороны лица женского пола, то, как правильно разъяснил Верховный суд РФ, это уже не «половое сношение» в смысле ст. 131, а иные действия сексуального характера, наказуемые по ст. 132 УК⁸.

Еще один пример неодинаковой интерпретации дает нам статья 134 УК, в которой под действиями сексуального характера понимается не все разнообразие форм и способов удовлетворения половой страсти, а исключительно половое сношение, мужеложство и лесбиянство.

12. Использование подобного рода «физиологической» терминологии в уголовном законе заслуживает, на мой взгляд, упрека. Законодатель должен разрабатывать особый понятийный ряд для описания на юридическом языке составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. При этом правовые категории должны выражать высокий уровень нормативных обобщений, при котором точность и четкость предписаний сочетается с гибкостью и подвижностью юридических конструкций, емкостью содержания правовых понятий и полнотой охвата уголовно-правовыми установлениями объекта охраны в условиях относительной изменчивости уклада половых отношений и сопутствующих криминогенных тенденций.

Для нужд современной практики целесообразно приспособлять понятие «действия сексуального характера» («сексуальные действия»), превращая эту категорию в системообразующий конструкт главы 18 УК, распространяющийся на разнообразные случаи криминальной активности в охраняемой законом сфере.

Именно «действие сексуального характера» (дословно «сексуальное злоупотребление») выступает подобного рода конструктом в современном немецком уголовном праве. Так, в §§ 174, 174а, 174 b, 174с, 176, 176а, 176 b, 177, 178, 179, 180, 182 УК ФРГ уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от категорий потерпевших (малолетние, несовершеннолетние, опекаемые лица, заключенные, больные и лица, нуждающиеся в помощи, беззащитные лица), субъектов преступлений (должностное лицо, лицо, осуществляющее консультацию, лечение или наблюдение),

общественно опасных последствий (наступление смерти), а не в зависимости от тех или иных «физиологических» способов сексуального возбуждения и удовлетворения половой страсти. При этом согласно § 177 названного УК изнасилование определяется как совершение полового сношения или сходных действий сексуального характера с потерпевшим, в особенности если эти действия связаны с *проникновением в тело*⁹.

Во французском уголовном праве таким конструктом является «сексуальная агрессия». Одна из ее разновидностей – «изнасилование» – определяется в соответствии со ст. 222-23 УК Франции как «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода».

13. Что касается *развратных действий* (ст. 135 УК) – это не морально-этическая, а правовая категория. Эта категория не происходит от термина «разврат» (развращенность, растление, соvrащение, извращение). Разврат вообще – оценочный термин, описывающий половую распущенность, извращенные формы полового общения, моральное разложение и безнравственное, непристойное, циничное поведение в области сексуальных отношений.

Понятие «развратные действия», ответственность за которые предусмотрена в ст. 135 УК, употребляется в строгом юридическом смысле в значении «любые действия эротического, возбуждающего, любострастного, другими словами, сексуального характера, совершенные достигшим 18-летнего возраста лицом в отношении лица, не достигшего 16 лет». При этом систематическое толкование положений ст. 135 совместно с положениями ст. 134 УК требует исключения из анализируемого понятия трех сексуальных действий – полового сношения совершеннолетнего виновного с не достигшим 16-летнего возраста потерпевшим, а также мужеложства и лесбиянства между совершеннолетним виновным и не достигшей 16 лет жертвой.

Как видно, закон связывает развратные действия не с их «извращенностью», а прежде всего, с *возрастными особенностями* участников сексуальных отношений: жертвы как физического лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, и исполнителя сексуального посягательства – лица восемнадцати лет и старше.

Согласие потерпевшего на совершение подобных действий не имеет юридического значения и, соответственно, не устраняет их наказуемости.

Как известно, цели и мотивы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности не названы в уголовном законе. Они не относятся к числу скрытых кримиобразующих признаков соответствующих составов, а значит, не подлежат обязательному учету при уголовно-правовой оценке. Как правило, эти преступные посягательства направлены на удовлетворение половой страсти виновного и (или) на возбуждение полового влечения, сексуального чувства или интереса к половой жизни у жертвы. Однако упомянутые цель и мотив могут сочетаться или даже вытесняться иной целенаправленностью и мотивацией: мстостью, ненавистью, завистью, ревностью, иными личными неприязненными отношениями, корыстными побуждениями, стремлением извлечь выгоду неимущественного характера и пр.

Сказанное в полной мере касается и состава развратных действий. Вопреки распространенному мнению, развратные действия не имеют, на мой взгляд, своей обязательной целью или мотивом удовлетворение полового влечения (страсти), либо возбуждение у жертвы нездорового полового чувства, либо иную сексуальную мотивацию. Как и другие сексуальные преступления, развратные действия характеризуются полимотивированностью и различной целенаправленностью.

14. Развратные действия разнообразны и по характеру, и по содержанию, и по форме. Перечень их видов является открытым. В современной доктрине предлагается различать следующие их варианты: (1) совершение виновным действий сексуального характера в отношении жертвы; (2) совершение сексуальных действий в присутствии жертвы (эксгибиционизм, скотоложство, совершение полового акта и др.); (3) скло-

нение жертвы к совершению сексуальных действий в отношении виновного; (4) склонение жертв к совершению сексуальных действий между собой; (5) развратные действия так называемого интеллектуального характера (ознакомление с порнографическими литературой, фильмами, аудиозаписями, демонстрация порнографических изображений, различного рода предметов и др.).

В свете вышеизложенного следует положительно ответить на вопрос о возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 135 УК, с использованием сети Интернет, а также иных информационно-телекоммуникационных систем. По существу, это есть не что иное, как разновидность интеллектуальных развратных действий. Если взрослое лицо знакомит не достигшую 16 лет жертву с порнографической продукцией посредством сети Интернет, а также иных информационно-телекоммуникационных систем, оно подлежит уголовной ответственности по ст. 135 УК. Ведь сексуальное воздействие через виртуальную или иную среду влечет одинаковый вред для детей.

В соответствии с еще одной классификацией целесообразно различать развратные действия в виде (I) *телесного* (физического) сексуального воздействия и (II) *бестелесного* (интеллектуального) сексуального воздействия. При этом физическое развратное воздействие может состоять в (1) сексуальном телесном *проникновении*, (2) сексуальных *прикосновениях* (поглаживаниях, дотрагиваниях), (3) *обнажении* тела самого потерпевшего, виновного или другого лица, (4) *демонстративном* совершении сексуальных действий и склонении жертвы к наблюдению за этим поведением.

15. По моему мнению, недопустимо квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 131 или п. «а» ч. 2 ст. 132 УК действия лица в случае, если остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности. Как представляется, «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору» может образовываться только из двух или более физических лиц, каждый из которых обладает признаками субъекта преступления.

16. Вопрос об образовании (не образовании) совокупности преступлений по числу потерпевших в случаях одновременного совершения изнасилования или иных насильственных действий сексуального характера одним лицом (группой лиц) в отношении нескольких жертв относится к числу спорных.

С криминологической точки зрения групповой секс (оргия, «шведская семья») — это форма сексуального поведения человека, в которой участвует более двух субъектов одновременно. Групповой секс может происходить между однополыми и разнополыми людьми разных сексуальных ориентаций (гетеросексуальной, гомосексуальной и бисексуальной). Акт группового секса представляет собой единое продолжаемое сложное деяние. Отсюда, казалось бы, можно допустить, что в случаях, когда изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера совершались одним лицом (группой лиц) в отношении нескольких потерпевших и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствовали о едином умысле виновного лица (виновных лиц) на совершение указанных действий, содеянное следует рассматривать как единое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям статьи 131 или статьи 132 УК.

С другой, юридико-технической стороны, такого рода деяния характеризуются особенностями объекта посягательства — наличием двух или более жертв. Тогда как буквальная трактовка положений ст. 131 и 132 говорит о потерпевшем (потерпевшей) в единственном числе. Кроме того, в ст. ст. 131 и 132 отсутствует квалифицирующий признак «в отношении двух и более лиц», как это имеет место, например, в ч. 4 ст. 134 и ч. 3 ст. 135 УК.

В силу указанных обстоятельств одновременное совершение изнасилования или иных насильственных действий сексуального характера одним лицом (группой лиц) в отношении нескольких жертв более правильно рассматривать как совокупность преступлений.

17. В тех случаях, когда несколько половых актов либо насильственных действий сексуального характера не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствовали о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК.

Как единое продолжаемое преступление может быть квалифицировано систематическое совершение половых актов либо насильственных действий сексуального характера в отношении лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии в силу возраста или хронического психического расстройства, а также в отношении лиц, находящихся в материальной зависимости от виновного.

18. Действия виновного лица подлежат квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 131 и п. «б» ч. 3 ст. 132 УК (*особо тяжкие преступления. — Прим. автора*) как при неосторожном, так и при умышленном заражении потерпевшего ВИЧ-инфекцией и исключают дополнительную квалификацию по ст. 122 УК (*преступление небольшой и средней тяжести, а также тяжкое преступление при наличии особо квалифицирующих обстоятельств. — Прим. автора*), так как в указанных выше случаях речь идет об учтенной законодателем совокупности преступлений.

19. Для правильного понимания шантажа как одного из способов совершения преступления, предусмотренного ст. 134 УК, целесообразно обратиться к истории развития этой юридической категории.

Впервые ответственность за шантаж¹⁰ как самостоятельное преступление была предусмотрена во французском уголовном праве. По закону 1863 г. под шантажом понималось посягательство на собственнические отношения в виде приобретения имущества или подписи на обязательстве по имуществу посредством письменной или устной угрозы позорящих разоблачений и обвинений.

В современном французском уголовном законодательстве шантаж также выделяется в самостоятельный состав преступления против собственности и рассматривается в качестве одной из разновидностей имущественных правонарушений, направленных на присвоение чужого имущества (в широком смысле этого слова). Ответственность за указанное преступление предусмотрена ст. 312-10, размещенной в Отделе II «О шантаже» Раздела 1 «Об обманных присвоениях» Книги третьей «Об имущественных преступлениях и проступках» УК Франции. Согласно указанной статье, шантажом признается получение путем использования угрозы раскрытием или вменением в вину фактов, способных причинить вред чести и уважению лица, либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества, которое наказывается пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 500 000 франков. В соответствии со ст. 312-11 этого УК, если шантажист привел свою угрозу в исполнение, наказание увеличивается до семи лет тюремного заключения и 700 000 франков штрафа¹¹.

История российского уголовного права свидетельствует о непоследовательности законодателя при решении вопроса о юридической природе шантажа. До Уголовного уложения 1903 г. отечественное законодательство не предусматривало ответственность за шантаж. В судебной практике того периода шантаж нередко подводили под понятие мошенничества [2, с. 249].

Впервые ответственность за «шантаж» в отечественном законодательстве была установлена Уголовным уложением 1903 г. В главе 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» указанного документа шантаж был отнесен, как и во французском праве, к самостоятельной группе имущественных преступлений наряду с вымогательством¹². Понятие шантажа определялось в ст. 615 этого закона как побуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к передаче имущества или к уступке права по имуществу, или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений: 1) об обстоятельстве, позорящем честь потерпевшего или члена его семьи, хотя бы и умершего; 2) об учинении потерпевшим или членом его семьи, хотя бы и умершим, деяния, наказуемого как тяжкое преступление или преступление; 3) об обстоятельстве, подрывающем торговый кредит потерпевшего.

УК РСФСР 1922 г. стал рассматривать шантаж как разновидность вымогательства. По этому закону под вымогательством в строгом смысле слова понималось требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или же совершение каких-либо действий под страхом учинения насилия над личностью, или истребления имущества, которое каралось лишением свободы на срок до двух лет (ст. 194). Шантаж же по УК 1922 г. — это вымогательство, соединенное с угрозой огласить позорящие потерпевшего сведения или сообщить властям о противоправном его деянии, которое согласно ст. 195 каралось также лишением свободы на срок до двух лет.

Современное уголовное право России существенным образом изменило юридическую природу шантажа. Во-первых, действующий УК не отводит «шантажу» особого места в классификационном ряду имущественных или иных правонарушений. Другими словами, «шантаж» не признается УК РФ самостоятельным преступлением, а рассматривается как способ совершения других преступлений.

Во-вторых, шантаж выступает основным или квалифицирующим признаком самых разных по объекту уголовно наказуемых деяний: против личности (п. «г» ч. 2 ст. 127², ст. 133), в сфере экономики (ч. 2 ст. 185⁵), против государственной власти (ст. 283¹, ч. 1 ст. 302, ст. 304, ч. 2 ст. 309).

В-третьих (это касается вопроса соотношения шантажа и вымогательства), УК 1996 г. не признает шантаж специальным видом вымогательства и вообще не использует эту категория при описании преступлений против собственности, включая вымогательство (как представляется, напрасно). Однако названные в ст. 163 УК два вида вымогательских угроз («угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких», а также «угроза распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких») подводятся в современной доктрине под понятие шантажа. Аналогично в ст. 179 УК, устанавливающей ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения при отсутствии признаков вымогательства, на мой взгляд, также упоминается о шантаже в виде «угрозы распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких».

Как видно, с точки зрения современного уголовного права России шантаж является одной из разновидностей угроз как способа совершения самостоятельных преступлений против личности, в сфере экономики, интересов государственной власти. Способом принуждения (понуждения) здесь выступают именно особого рода угрозы, а не насилие или обман. Одной из групп *объектов* шантажных угроз являются честь, достоинство человека, его деловая или иная репутация, свобода личности.

С *содержательной* стороны шантаж представляет собой угрозу распространения (разглашения, сообщения кому-либо в какой бы то ни было форме) сведений, кото-

рые компрометируют или позорят (порочат) потерпевшего или его близких либо иных действительных или ложных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких с целью склонения жертвы к желаемому для виновного или других лиц поведению.

При этом под *компрометирующими* или *позорящими* следует понимать сведения, огласка которых может умалить честь и нанести ущерб достоинству потерпевшего или его близких, подорвать их репутацию.

В прикладных целях шантажные угрозы можно классифицировать на: (1) угрозу опорочивания; (2) угрозу разглашения тайны (банковской, коммерческой, налоговой, семейной, тайны следствия и пр.), другой конфиденциальной информации или иных сведений, которые потерпевший стремится сохранить в тайне; (3) угрозу разоблачения (угрозу доноса органам власти или сообщения в иной форме о совершенном или готовящемся преступлении или ином правонарушении; угрозу привлечения к юридической ответственности, предания суду).

Как представляется, для правильной правовой квалификации не имеет значения характер и содержание сведений, разглашением которых угрожают жертве, насколько они являются позорящими, соответствуют ли действительности или являются ложными, касаются лично потерпевшего или его близких. Главное, что потерпевший опасается их огласки, на что и рассчитывает виновный, используя угрозу их сообщения для принуждения жертвы к желаемому виновным поведению. В этой связи следует предельно широко трактовать понятие шантажа как угрозы оглашения любых сведений, которые потерпевший или его близкие не желают предавать огласке. Шантаж в части запугивания преданием огласке действительных сведений, распространение которых не нарушает законных интересов другого лица (например, о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении), следует также признавать одним из оснований уголовной ответственности.

Очевидно, что шантаж как один из видов угроз может применяться при понуждении к действиям сексуального характера. Применительно к ст. 133 УК шантаж есть угроза разглашения позорящих, компрометирующих, разоблачительных, а также иных сведений (действительных или ложных), которые потерпевший стремится сохранить в тайне, с целью его склонения к совершению действий сексуального характера. В случае, если о потерпевшем или его близких оглашены сведения заведомо клеветнического характера, содеянное, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 133 и ст. 128¹ УК.

20. Понуждение потерпевшего (потерпевшей), не достигшего 12-летнего возраста, путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, использования материальной или иной зависимости к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера следует расценивать, на мой взгляд, как неоконченное изнасилование или насильственные действия сексуального характера по признаку беспомощности жертвы. В случае совершения в отношении указанной жертвы сексуальных действий — как оконченное изнасилование или насильственные действия сексуального характера по признаку беспомощности жертвы.

Примечания

¹ Так, в соответствии с п. 23 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», если в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество для приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно

квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием.

² Согласно п. 23 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», если виновное лицо лишь угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия.

³ Как указано в п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, в тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т. п.

⁴ Такой подход находит подтверждение в судебной практике. Как указано в п. 11 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера с применением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью охватывается диспозицией п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК (*тяжкие преступления* — примечание автора) и дополнительной квалификации по ст. 119 УК (*преступление небольшой тяжести*, а при наличии квалифицирующих признаков *преступление средней тяжести* — примечание автора) не требуют.

В соответствии с п. 15 вышеуказанного постановления применение насилия при изнасиловании и совершении насильственных действий сексуального характера, в результате которого такими деяниями потерпевшему лицу причиняется легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК и не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям главы 16 УК.

Согласно п. 13 этого же источника судебной власти, ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 131 УК и по п. «г» ч. 2 ст. 132 УК наступает в случаях, когда лицо, заразившее потерпевшее лицо венерическим заболеванием, знало о наличии у него этого заболевания, предвидело возможность или неизбежность заражения потерпевшего лица и желало или допускало такое заражение. При этом дополнительной квалификации по статье 121 УК (*преступление небольшой тяжести*. — Прим. автора) не требуется.

В указанных выше случаях речь идет об учтенной законодателем совокупности преступлений.

⁵ Подтверждение этому тезису находим в материалах судебной практики. Согласно п. 18 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК. Аналогично по совокупности с ч. 2 ст. 203 УК должны квалифицироваться действия руководителя или служащего частной охранной или детективной службы, совершившего убийство при превышении полномочий, предоставленных ему в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности.

В соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11, если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера либо покушении на них потерпевшему лицу умышленно причиняется тяжкий вред здоровью, действия виновного лица квалифицируются по соответствующей части ст. 131 или ст. 132 УК и по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 111 УК.

⁶ Так, в ст. 179 УК Испании говорится о сексуальной агрессии в виде физического полового проникновения вагинальным, анальным или оральным путем, путем введения предмета или частей тела.

⁷ С позапрошлого века изнасилование как принуждение лица женского пола к допущению внебрачного совокупления (§ 177 Уголовное уложение Германской империи 1871 г.) признавалось оконченным с момента «соединения половых частей» [3, с. 79].

⁸ Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», под иными действиями сексуального характера следует понимать *понууждение женщиной мужчины к совершению полового акта* путем применения насилия или угрозы его применения.

⁹ Обращаясь к истории немецкого права, заметим, что издревле у германцев изнасилование как разновидность сексуального принуждения к непотребству рассматривалось в виде преступления против чести. Так, статья 119 Каролины угрожала мечом тому, кто «у неопороченной замужней женщины, вдовы или девицы отнимет силой и против ее воли ее девицью или женскую честь».

Уголовное уложение Германской империи 1871 г. говорило уже о принуждении к любострастным действиям путем насилия или угрозы наличной опасностью для жизни и здоровья (§ 176). При этом в немецкой доктрине того периода под *любострастными* понимались действия, которые, будучи направленными на возбуждение или удовлетворение половой потребности или являясь выражением возбужденной потребности, нарушают в то же время требования нравственности в половом отношении, границы, установленные для половой жизни господствующими нравами. Таким образом, из самого действия должно быть видно, что оно относится к половой жизни [3, с. 71, 78–79].

¹⁰ Термин «шантаж» заимствован из франц. яз., где *chantage* – шантаж, вымогательство, от *faire chanter* – шантажировать, производное от *chanter* – воспевать, восхвалять, петь. Считается, что во французском языке значение «шантажировать» развилось из значения «подражать пению (щелканью) птиц для заманивания их в сети» – *chantage*. По другой версии, это французское слово обозначало прием рыбной ловли, при котором рыба загонялась в сети криком и шумом.

¹¹ При этом УК Франции различает шантаж и вымогательство. Ответственность за последнее установлена в его ст. 312-1, расположенной в Отделе I «О вымогательстве» Раздела 1 «Об обманных присвоениях» Книги третьей «Об имущественных преступлениях и проступках». Согласно этой статье под вымогательством понимается получение путем насилия, угрозы применения насилия или принуждения либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или какого бы то ни было иного имущества. Данное преступление наказывается семью годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 000 франков.

¹² Согласно ст. 590 Уголовного уложения 1903 г. вымогательством признавалось принуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к уступке права по имуществу или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы.

Библиографический список

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. Петроград, 1916.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907.
3. Фон Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905.

References

1. Foinitskii I.Ya. Course of criminal law: Special Part: Offences individual and pecuniary. Petrograd, 1916 [in Russian].
2. Foinitskii I.Ya. Course of criminal law: Special Part: Offences individual and pecuniary. 5th ed. SPb., 1907, p. 249 [in Russian].
3. Fon List F. Textbook on criminal law. Special part. M., 1905 [in Russian].

*A.G. Bezverkhov**

**VIOLENCE AND ITS TYPES IN RUSSIAN CRIMINAL LAW:
ISSUES OF METHODOLOGY, THEORY AND PRACTICE**

In the article categorial apparatus of modern criminal law of Russia, that is used in legislation and law enforcement practice of counteraction to crimes of violence is researched. Special attention is paid to juridical and dogmatic analysis of types of violence, correlation of definitions of physical violence and threat of its use, legislative classification of crimes of violence and separate questions of its qualification.

Key words: physical abuse; mental violence; threat; crime of violence.

* *Bezverkhov Artur Gennadievich* (bezverkhov-artur@yandex.ru), the Dept. of Criminal Law and Criminology, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.